

Засодимский Павел Владимирович

**Слепой из Данилова. Из
воспоминаний моего старого
друга**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
П12

П12 **Павел Владимирович З.**
Слепой из Данилова. Из воспоминаний моего старого друга / Засодимский
Павел Владимирович – М.: Книга по Требованию, 2026. – 37 с.

ISBN 978-5-519-85791-8

ISBN 978-5-519-85791-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СЛѢПОЙ ИЗЪ ДАНИЛОВА.

(ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ МОЕГО СТАРАГО ДРУГА).

I.

„Слѣпымъ изъ Данилова“ звали въ нашей сторонѣ одного почтеннаго слѣпота старика. Я не знаю, откуда и когда пришелъ онъ въ наши края. Съ той поры, какъ я сталъ помнить себя, онъ былъ уже старъ и слѣпъ и жилъ у насъ въ Даниловѣ— въ большомъ торговомъ селѣ. Его звали

Григоріемъ Ивановичемъ... Какъ теперь вижу — высокій, худой, съ лицомъ желтымъ, морщинистымъ, лысый, съ сѣдыми прядями волосъ на вискахъ и на затылкѣ. Какъ живой словно стоитъ онъ те-

перь передо мной въ своемъ старомъ сѣромъ сюртукѣ, съ клѣтчатымъ платкомъ, обернутымъ кругомъ шеи вмѣсто галстука, въ черной фуражкѣ съ высокимъ околышемъ и съ длинной палкой въ рукѣ. Помню я и его Амишку — черную взъерошенную собаку. Старикъ, выходя изъ дома, одною рукой всегда опирался на свою сучковатую палку, а въ другой держалъ веревку, привязанную къ ошейнику Амишки. Амишка въ такихъ случаяхъ мѣрнымъ, тихимъ шагомъ шла впереди и, казалось, вела старика.

Слѣпой жилъ въ полуверстѣ отъ нашей деревни — подъ самымъ лѣсомъ, въ хаткѣ, одинъ - одинешпенекъ съ своей Амишкой. Но одинъ онъ оставался рѣдко, только развѣ ночью, да и то не всегда. Онъ былъ у насъ деревенскимъ учителемъ, и зимой съ утра до вечера въ его хатѣ толпились ребятишки. Лѣтнею же порой онъ самъ охотно брелъ со своей Амишкой на село или въ поле къ работавшимъ крестьянамъ. Бывало, замѣтятъ издали его и его черного друга и говорятъ:

— Вонъ идетъ „слѣпой изъ Данилова“... Зазовемъ-ка его! Пусть отдохнетъ старина... Благо, и закусить что есть.

Все знали нашего старика и его черного провожатаго. Знали его верстъ на сто въ

окружности, а можетъ-быть, и больше. Никто его не обижалъ. И плохо пришлось бы тому, кто вздумалъ бы обидѣть нашего старика. Его всѣ любили — и старъ и малъ. Всѣ ласкали и его собаку. Платы за ученье онъ не бралъ, а только просилъ, чтобы народъ его кормилъ, поилъ и одѣвалъ.

— Самъ я слѣпъ и старъ, хлѣба и одежды не добуду себѣ! — говорилъ старикъ. — Зато я могу дѣтокъ учить, уму-разуму наставлять. Дѣткамъ это впрокъ пойдетъ. А если имъ мое ученье пригодится, такъ пусть же они не дадутъ мнѣ съ голоду и съ холоду умереть, затѣмъ, чтобы я могъ жить и учить ихъ. Больше мнѣ ничего не надо.

И немного же надо было нашему учителю. Ёль онъ картофель съ масломъ, лукъ, горохъ да ржаной хлѣбъ и запивалъ свою нехитрую трапезу водой изъ нашей рѣчки, Вожицы. Одежду онъ носилъ подолгу. Я, напримѣръ, такъ его и запомнилъ навѣки въ сѣромъ длиннополомъ сюртукѣ. И въ будни и въ праздники онъ всегда ходилъ въ одномъ и томъ же нарядѣ... По зимамъ онъ накидывалъ овчинный полушубокъ. Всего больше любилъ онъ тепло. Лѣтомъ, бывало, въ полдень сядетъ гдѣ-нибудь на солнышкѣ и грѣется. Жаръ стоитъ невыносимый, солнце словно огнемъ

жжетъ, вѣтерокъ водой не зарядить, осинowychъ листочковъ не колыхнетъ. Собаки, высуня языкъ, лежатъ въ тѣни. Птички забьются въ самую чашу деревьевъ. Тяжело дышится всему живому подъ палящими солнечными лучами. Даже цвѣты въ травѣ поникли головками, и самая трава позавяла... А старикъ нашъ сидитъ себѣ на самомъ припекѣ: ему и горя мало.

— Жарко вѣдь, дѣдушка! — скажутъ ему, бывало.

— Нѣтъ, ничего, хорошо! — отвѣтитъ онъ и улыбнется. — Что же станешь дѣлать! Кровь-то старая не грѣетъ, такъ надо у солнышка тепла призанять. Видишь, какое оно горячее... Люблю я его, когда оно такое...

Зимой, бывало, свою хатку натопить онъ жарко-жарко.

— Какъ ты, дѣдушка, выносишь такую жарынь? — замѣтятъ ему.

А онъ:

— Въ теплѣ-то поживѣ себя чувствуешь! На моей-то родной сторонкѣ тепло... не то, что у васъ — здѣсь! Вонъ у васъ теперь въ лѣсу всѣ деревья въ инеѣ, а у насъ теперь деревья стоятъ всѣ зеленыя. У васъ на поляхъ снѣгъ лежитъ сугробами непроходимыми, а у насъ теперь — дуга всѣ въ

цвѣтахъ... Дѣвочки рвутъ цвѣты, плетутъ вѣнки... Давно я живу у васъ, а къ вашему холоду, къ выюгамъ да метелямъ привыкнуть не могу...

Учились мы у него только по зимамъ. Лѣтомъ учиться намъ было некогда: лѣтомъ на полѣ — какъ водится — шли работы; мы, ребята, работали вмѣстѣ съ большими — всякій по своимъ силамъ. Послѣ работъ намъ было не до ученья: мы уставали. Руки и ноги, помню, точно какъ изломанныя, спина и грудь ноютъ, а голова совсѣмъ пустая. И хочется тогда лишь поскорѣе поѣсть чего-нибудь да отдохнуть, главное — отдохнуть, полежать, поспать. Думать ничего не хочется, да и не можется, и чувствуешь только одну страшную усталость. Зимой же мы учились по утрамъ. Поднимусь, бывало, ранымъ-рано, еще до свѣту. При лучинѣ, пока мать обряжается, хлѣбы творить, сестра скотину поить, а отецъ рубить дрова, — соберу я всѣ свои книжки и бумажки и бѣгу къ учителю. Иногда, бывало, поднимется метель, не видно свѣту Божьяго — заблудишься, насилу попадешь въ знакомую хатку. А иной разъ морозко потрескиваетъ. Тогда ужъ, конечно, спѣшишь такъ, что ногъ подъ собою не чуешь. Въ поляхъ все тихо, бѣло... Иногда еще свѣтитъ мѣсяцъ.

Отъ его блѣднаго свѣта снѣгъ кажется еще бѣлѣе, блестящѣе; зато чернѣе выступаетъ вдаль на ясномъ небѣ нашъ Закутовскій лѣсъ.

Сберемся. Нашъ дѣдка уже всталъ, позавтракалъ, покормилъ и Амишку, чѣмъ Богъ послалъ. Печка топится, березовыя дрова ярко горятъ, потрескиваютъ, угольки изъ печки на полъ прыгаютъ. Припахиваетъ дымкомъ... На большомъ столѣ горятъ двѣ сальные свѣчи и освѣщаютъ насъ, ребятишекъ, сидящихъ кругомъ стола, и противъ насъ — на лавкѣ — нашего слѣпого учителя. Въ рукѣ у него длинная деревянная указка. Учимся. Подъ столомъ Амишка гложетъ кость. Въ избѣ тихо. Только слышенъ голосъ учителя, да иногда который-нибудь изъ насъ начнетъ читать или считать вслухъ. Впрочемъ, порой поднимался въ хаткѣ страшный шумъ. Амишка, оставивъ кость, сначала принималась жалобно урчать и вдругъ вскакивала изъ-подъ стола, съ неистовымъ лаемъ бросалась къ двери и изо всей мочи царапала обитую войлокомъ дверь, словно бы хотѣла выскочить на улицу. Тогда мы, конечно, покидали свои мѣста и начинали галдѣть. Учитель также вставалъ, припиралъ дверь коломъ (другого запора у него никогда не было), унималъ насъ и говорилъ Амишкѣ:

— Цыцъ, Амишка! Полно! Не подь силу тебѣ эти враги! Не прежняя твоя пора... стара ты стала. Оба мы стары; не по зубамъ намъ воевать съ волками! Мы теперь съ ними иначе повоюемъ... еще потягаемся.

Старикъ усмѣхался и, успокоивъ Амишку, возвращался къ намъ. Въ лѣсу, гдѣ-то недалеко, дико завывали волки. Мы тѣснѣе жались другъ къ другу и, дрожа, со страхомъ прислушивались къ дикому вою.

II.

Старикъ училъ насъ читать, писать и считать. Читать онъ насъ училъ попросту, но такъ, что мы выучивались читать очень легко и чуть ли не скорѣе, чѣмъ по нынѣшнимъ новымъ способамъ. Писали мы довольно складно, считали отлично. Старикъ рѣшалъ въ умѣ такія трудныя задачи, что крестьяне наши диву давались. Да и многіе ученые люди на бумагѣ или съ грифелемъ рѣшили бы иную задачу не такъ скоро, какъ нашъ слѣпой. Родители же наши и ученьемъ и учителемъ оставались вполне довольны. Содержали они учителя охотно. Крестьянинъ всегда предпочитаетъ лучше платить натурой, чѣмъ деньгами. Если, напримѣръ, крестьянинъ долженъ

рубль, такъ онъ охотно отдастъ провизіи рубля на три, чѣмъ самый рубль.

Но чтеніемъ, счетами и письмомъ у насъ дѣло не кончалось.

Старикъ рассказывалъ намъ о дальнихъ странахъ, о звѣряхъ невиданныхъ, о животныхъ, похожихъ на человѣка, о дикихъ людяхъ, похожихъ на звѣрей, — о разныхъ чудесахъ земли. Онъ говорилъ намъ о горахъ, дышащихъ огнемъ, о странахъ, гдѣ по нѣскольку мѣсяцевъ не проходитъ ночь, о раскаленныхъ песчаныхъ пустыняхъ, гдѣ въ песокѣ на солнцѣ варится яйцо. Рассказывалъ намъ о моряхъ, островахъ и чудовищахъ морскихъ. Говорилъ намъ старикъ и объ Евангеліи, объяснялъ притчи и слова Христа. Мы такъ часто читали съ нимъ Евангеліе, что нѣкоторые изъ насъ — попамятливѣе — многое помнили изъ Евангелія наизусть. Особенно хорошо говорилъ намъ учитель о томъ, что Христосъ любилъ дѣтей и всѣхъ вообще бѣдныхъ, немощныхъ и больныхъ, прощалъ разбойниковъ и водилъ хлѣбъ-соль съ такими лицами, которыхъ люди ненавидѣли и презирали.

Объяснивъ намъ однажды смыслъ притчи о сѣятелѣ, онъ сказалъ:

Эхъ, ребяташки, ребяташки! Вотъ и изъ васъ, можетъ-быть, найдутся такіе, что, под-